

ВЕЧНЫЕ ОБРАЗЫ

В.В. Лазарев

ЭТАПЫ ТВОРЧЕСКОГО ВОСХОЖДЕНИЯ ШЕЛЛИНГА

Аннотация. В статье рассматривается эстетическая сторона продвижения Ф.В.Й. Шеллинга в охвате им и последовательной смене способов освоения новых принципов мысли по сравнению со своими блестящими предшественниками в Германии. Его романтически оживленная и одухотворенная философия природы по праву названа «поэзией природы». Интеллектуальная интуиция, а затем и эстетическая интуиция занимают центральное положение в развитии новых подходов в его эстетическом учении, особенно полно явившемся у него в «Философии искусства», где предложена оригинальная классификация искусств по родам и видам на основе исторического их анализа, развертывающего ступени и переходы между ними, от античного до новоевропейского (от «наивного» к «сентиментальному», романтическому). Исследование Шеллинга обрело признание и высокую оценку среди русских мыслителей, слушавших его лекции и лично знакомых с ним.

Методологически данная статья нацелена на обобщенное изложение взглядов Шеллинга в их диалектическом развитии, начинающемся от бессознательной творческой активности до рационального постижения художника и не обретаемых никаким иным путем кроме интуитивных прозрений.

Научная новизна данной статьи представляет собой опыт целостного изображения художественных исканий и находок мыслителя, в подсознательной активности творческой личности, что не исчерпало до нашего времени значения своих результатов для теоретико-познавательной области.

Ключевые слова: философия природы, философия искусства, романтизм, творчество, художественный гений, антитеза, эстетическое созерцание, Абсолют, тождество, мифология, конструирование, Истина, Добро, Красота.

Review: The article is devoted to the aesthetic development of Friedrich Wilhelm Joseph Schelling and his successive change of the methods of acquiring new principles in comparison to his famous predecessors in Germany. Schelling's philosophy of nature, full of romanticism and spirit, has been called 'the poetry of nature' with good reason. Intellectual intuition and aesthetic intuition played the main role in the development of the new approaches of his aesthetic philosophy. His philosophy is most of all represented in his work 'The Philosophy of Art' where Schelling offered the original classification of art based on their historical analysis from ancient to new European times (from 'naive' art to 'sentimental' or 'romantic' art). Schelling's became very popular with Russian philosophers who heard his lectures and knew him in person. In the methodological meaning, the present article is aimed at describing Schelling's views from the point of view of their dialectic development, from unconscious creative activity to a rational concept created as a result of intuitive insights. The scientific novelty of the present article is that the researcher provides a full description of creative searches and findings of the philosopher and unconscious activity of a creative personality which still remains an important topic for theoretical researches. Russian aesthetics, historiosophy and philosophy of the all-encompassing unity ('vseedinstvo') with the central idea of theanthropism developed under the impression and influence of Schelling's teaching.

Keywords: aesthetic contemplation, antithesis, art genius, creative work, Romanticism, philosophy of art, philosophy of nature, Absolute, mythology, construction.

Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм Йозеф (27 янв. 1775, Леонберг – 20 авг. 1854, Рагац, Швейцария) – представитель философии немецкого классического идеализма. Родился в семье дья-

кона. В школьные годы он вызывал удивление учителей, увидевших в нем на редкость «рано созревший ум». Пятнадцати лет, т.е. тремя годами раньше, чем допускалось законом, мальчик был принят в Тюбингенский университет. Француз-

ская революция была тогда на подъеме и волновала умы тюрингенских студентов. Шеллинг перевел с французского «Марсельезу» (получив выговор от университетского начальства). Политическое свободомыслие соединило его тесной юношеской дружбой с поэтом Гёльдерлином и будущим философом Гегелем. Как и Гегель, он стал членом политического клуба, в котором горячо обсуждались революционные идеи. По преданию, Шеллинг и Гегель посадили на окраине города «дерево свободы». Это событие относится к 1795 г., когда Шеллинг оканчивал институт. Ему предстояло разделить участь всех классиков немецкого идеализма, – и Канта, и Фихте, и Гегеля, – побывать в роли домашнего учителя в промежутке лет от академического учения до академического преподавания, занимаясь тем временем вопросами математики, физики, медицины, филологии, проявляя особый интерес к теоретическому естествознанию.

В то время в Германии почтенную философскую систему Иммануила Канта критически развивал и преобразовывал Готлиб Фихте. Начало и принцип его Наукоучения – *самосознающий субъект, Я*, а одна из самых ранних работ Шеллинга была так и озаглавлена: «*Я как принцип философии*» (1795). Фихте заметил в юном своем последователе проводника своих идей в то время, когда живо овладевший его мудреным построением 22-летний мыслитель уже вставал на самостоятельный путь и в «Идеях к философии природы» (1797), своей первой из значительных работ о природном процессе, развивал собственное учение, натурфилософию, – систему, новую, противоположную фихтевской.

Блестящее сочетание высоты мысли с изяществом слога, философии с поэзией было замечено в нем и оценено двумя знаменитыми поэтами – Гёте и Шиллером. Горячее одобрение Гёте получило сочинение «О мировой душе. Гипотеза высшей физики для объяснения всеобщего организма» (1798), где «душа» мира представлена Шеллингом как изначальная сила природы, совпадающая с глубочайшей сущностью природы как целого. Благодаря стараниям Гёте он вступил в должность экстраординарного (внештатного) профессора в Иене, городке в то время небольшом (ок. 5 тыс. жителей), но составлявшем тогда одну из столиц германской философии (другую был Кенигсберг, где безраздельно господствовал над умами Кант).

Впечатляющие лекции и ряд блестящих сочинений – «Первый набросок системы философии

природы» (1799), и другие работы по философии природы – доставили вступившему на философское поприще молодому Шеллингу восторженных почитателей, многочисленные последователи почувствовали в его учении настоящее воскресение природы.

Поэзия природы

В литературу такое же свежее веяние природы внесли тем временем йенские романтики, братья Август и Фридрих Шлегели, Людвиг Тик, Новалис, с кружком которых он сблизился. Вопрос, кто к кому окончательно присоединится, решился в личном плане: жена А. Шлегеля Каролина, талантливая писательница, не представлявшая себе ничего истиннее художественного творения, расстаётся с мужем, сочетается браком с Шеллингом и становится его спутницей жизни, окрыляющей полёт его мысли и всей душой живущей его работами и задачами.

Йенские романтики откликнулись на страстный, но неопределённый зов Фихте: «Действовать! Действовать!» – конкретизацией и творческой переработкой основных категорий его философии. *Активность фихтевского Я, действительность субъекта*, сосредоточивается у них в понимании деятельности как созидании произведения искусства; логизированное в фихтевской системе *Я* преобразуется в творческую личность (гений); *не-Я*, т.е. сведенная к инертному *объекту* природа – в творение художника, в поэтическое создание, в котором живет душа художника.

Перед Шеллингом природный мир предстал предсознательной духовностью, «первоначальной, ещё бессознательной поэзией духа». «То, что мы называем природой – поэма, скрытая от нас таинственными, чудесными письменами» [1, с. 484]. Философское возвышение над Наукоучением и отличие от романтиков весьма примечательно. Природа – не скопление атомов, не механическое нагромождение «объектов», а саморазвивающийся духовный организм. Человек – часть природы, высшее ее создание. Через него она «возвращается в себя»: как бы «заглядывает» в сокровенные свои истоки, чувствует себя и приходит к самосознанию. Мое самосознание – это осознание ею своего природного *Я*. Природа – не призрачная тень субъекта. Не нуждается она и в «благодеянии» романтиков: в «наделении» ее душой, – душа в ней есть и душа есть собственная сущность природы.

Учение о природе

Природа – область компетенции естественных наук. Им совсем не находилось места в системе Фихте. К ним Шеллинг и обратился. Тем временем на «свободном и открытом поприще объективной науки» началась эпоха великих открытий Лавуазье, Кулона, Гальвани, Вольты, современником которых натурфилософу довелось быть. Успехи естественных наук стали для него живительным источником нового взгляда на природу и метода ее исследования. Естествознание стихийно, а частью и сознательно, устремилось по пути преодоления бытовавших разрозненных представлений о мире. Ибо природные силы всё ещё понимались как обособленные и резко отграниченные друг от друга, внутренне никак не связанные между собой.

В 1820 г. датский физик Эрстед проделал и описал опыт с отклонением магнитной стрелки под воздействием электрического тока. Его открытие было тогда сенсацией в ученом мире, ибо не укладывалось в привычные представления об обособленности различных природных сил. Явление нуждалось в объяснении, это и представляло трудность. Между тем за 20 лет до этого Шеллинг уже предвосхитил открытие взаимодействия электрических и магнитных сил и принялся осмысливать подобные факты по-новому. Все многообразие в мире он стремился понять как результат взаимодействия природных сил, как проявление общих начал, последнее основание которых заключено «в субъекте самой природы». Напряжение между полярными тенденциями послужило ему универсальным принципом для объяснения всех явлений. Отдельные противоположности, которые мы наблюдаем в универсуме, суть только побег первоначальной противоположности – полярности, только частным случаем которой выступает явление магнетизма. Впервые в истории новой философии Шеллинг попытался установить и проследить стадии развития противоположностей в неорганической природе: магнетизм, электричество, единство их – химизм. Среди многих химических процессов натурфилософ выделяет такой, который с преимущественной ясностью выражает триединство ступеней процесса. Исследования Гальвани, Риттера и открытие Вольты дали возможность предположить, что гальванизм подытоживает в себе неорганические процессы и служит переходным звеном от них царству живой природы.

Мыслитель руководствовался при этом идеями всеобщей связи материальных процессов и по-

степенного их перехода к более высоким ступеням. Высшие напряжения всех сил неживой природы, целокупность всех ее ступеней («потенций») уже есть нечто живое. Вся природа – великий организм, в котором полярности гармонически разрешаются в единство, и из него исходят (как полюса магнита из центральной точки) новые противоположности. Между живым и неживым нет непреходимой пропасти. Натурфилософ уверен, что организация и жизнь могут и должны быть объяснены из принципов самой природы как целого, как безусловно органичного. Начало вещей – бессознательно-духовный организм, мировая душа. Принцип организма соединяет органическую и неорганическую природу. Так называемая неживая природа – это только «оцепеневшая» жизнь, «жизнь скрывается здесь в смерти и лишь через многие преграды снова прорывается к себе самой» [2, s. 226].

Обоснованием единства природы служит у натурфилософа не просто «связь всего со всем», представленная в живом организме, но такая связь, которая раскрывается в прогрессирующем процессе. За 60 лет до Дарвина и за 10 лет до Ламарка в предисловии к сочинению «О мировой душе» (1798) Шеллинг выдвинул гипотезу, что «иерархия всех органических существ сложилась посредством постепенного развития одной и той же организации». В человеке это развитие завершается и подытоживается: «в самом себе человек (человеческий эмбрион) пробегает всю лестницу живых существ». Человеческое сознание имеет предысторию своего постепенного вызревания в природном лоне, в рамках материальных форм.

Пробуждение сознания совершается путём порождения противоположностей и разрешение их каждый раз в новом явлении, в формообразовании более высокого порядка. Этому способу действия природы соответствует и следует философский метод диалектического восхождения. Шеллинга называет его *методом потенцирования*. Учение о природном процессе переросло у него во вторую часть натурфилософии – в учение о познавательном процессе.

«Устремлённая вперёд история самосознания»

Философия природы отвечала на вопрос: как в «бессознательном» пробуждается сознание, как из объективного возникает субъективное. Обратную задачу: как субъективное становится объективным? – решает трансцендентальный идеализм, учение о познании, обращенном на само познание.

Самосознание неуклонно продвигается вперед, погружаясь в толщу ещё не осознанных, объективно действующих в нем структур, и исторгает из них категории все более высокого порядка. Откуда бы нам знать, например, что отдельные данные нам объекты однородны, если бы мы не имели уже понятия об объектах данного рода? Без понятия о них наше созерцание их оставалось бы в полной неопределённости. Значит, объединяя именно данные объекты как однородные, мы исподволь уже руководствуемся понятием о них. А формируя те или иные понятия, мы ещё не знаем, что в основе этой деятельности лежит уже выработанная бессознательно и скрытая пока от нас самих предпосылка: понятие о понятии, и мы уже пользуемся столь высокой абстракцией, ещё не ведая о ней. Так, мы можем многое понимать, ещё не зная, что такое понимание. Понятие понятия, этот фундамент формирования понятий, присутствует в целесообразной деятельности и реализуется через неё независимо от (и чаще всего без) сознавания, объективно.

Орудием проникновения сознания в бессознательное (субъективного в объективное) служит у Шеллинга *интеллектуальная интуиция*. Этот акт непосредственного улавливания интеллектуального действия в момент его совершения выступает у него основным способом приведения противоположностей к единству и ключом к восхождению на новые ступени самосознания. Свою «Систему трансцендентального идеализма» (1800) он называет *Одиссеей духа*, «устремленной вперед историей самосознания». Она завершается философией искусства, которое венчает иерархический строй форм самосознания. Произведение гения тем отличается от всякого другого, что в нем противоречие находит себе разрешение, абсолютно непреодолимое никаким другим путем: гениальность есть то «непостижимое», в чем сознательная и бессознательная деятельность целиком совпадают.

Философия искусства

В созерцании произведения искусства субъективное обретает общезначимость и объективность: эстетическое созерцание может возникать в любом, даже обыденном сознании, в отличие от созерцания интеллектуального, необходимого лишь при философствовании. Искусство объединяет, оно само есть единство и целостность как в своих родах и видах, так и в историческом развертывании. Больше того, Шеллинг говорит о «единственно-

сти» произведения искусства – в том смысле, что во всех своих проявлениях оно есть творение одного и того же гения и проистекает из единого корня, из мифологии. Философ предвкушает слияние множества струй всех наук совместно с философией в тот «всеобъемлющий океан поэзии, откуда они первоначально изошли», именно в мифологию. Как все исконное, мифология есть бессознательное творчество. Это стихийная поэзия, или пра-поэзия, которая служит ответом на вопрос об источнике всякой другой, в том числе современной. Появляется пророчество о «новой мифологии», которая соединит философию (и науку вообще) с поэзией, как это ещё в бессознательной форме существовало в древности, и, как следует ожидать, завершит весь этот цикл развития. В закатных лучах своего творчества Шеллинг станет трудиться над осуществлением этого пророчества, примется реализовывать его в позднем своем учении – в философии мифологии и философии откровения.

Расхождение с романтиками

Смелый полёт мысли у Шеллинга соприкасался с безудержностью фантазии у романтиков. Ревностно оберегая свой идеал от соприкосновения с пошлой буржуазной действительностью и от осквернения ею, немецкие романтики вместе с тем открыли широкий доступ в него заоблачной мечте. Чем больше отрешалось их мышление от обыденности, тем теснее соединялось с действительностью совсем иного рода, с воображаемой. В их среде обнаружили до того резко расходящиеся взгляды на искусство и так размылись ориентиры для отличения гениальничанья от подлинной гениальности, что Шеллингу, виднейшему теоретику романтизма, пришлось защищать подлинную суть этого течения от его незадачливых последователей и даже от самих его представителей. При всем стремлении их к разного рода целостности, к единству, на деле пошли такие разнобои в суждениях и оценках творчества и такие распри между ними самими, что со стороны могло показаться как раз наоборот, будто это единство уже существовало, а они все с разных сторон дружно трудились над его расколом. Искусство в века расцвета являло более счастливую картину большего или меньшего согласия великих мастеров, творивших как бы от единого всепроникающего дуновения и под одним общим солнцем. Но с закатом общего для всех солнца в окнах зажигаются огни, в каждом – свой. Таким же видит

Шеллинг состояние современного ему искусства и суждений о нём: «Каждый теперь вырабатывает себе свою собственную, особую точку зрения на искусство». Именно этот разброд побудил Шеллинга искать «подлинную идею и принципы искусства». В лекциях по философии искусства (1802-1804) он восстанавливает статус философии, сначала им же принижённый было по сравнению с искусством.

Интеллектуализм возобладал: немецкий мыслитель настаивает теперь на абсолютной познаваемости искусства, и наукой об искусстве должна быть абсолютная философия, через которую «философ яснее видит саму сущность искусства, чем даже сам художник». Тот, кто творит прекрасные произведения, часто менее всего сведущ об идее красоты самой по себе именно потому, что одержим ею, и потому, что творящий воспроизводит не красоту саму по себе, а только прекрасные вещи, тогда как философ во всеоружии знания и в свете разума стремится воссоздать не единичное истинное и прекрасное, а истину и красоту как таковую.

Философия тождества

Лекции по философии искусства Шеллинг читал в уже разрабатывавшейся им новой системе воззрения, возвышенной до *абсолютной*, называемой также *философией тождества*, все объединяющей в нераздельную целостность, как это видно из трактовки им триады Истины, Добра и Красоты: «Истина, которая одновременно не является красотой, не есть также абсолютная истина, и наоборот, – подчеркивается в «Философии искусства». Добро, которое не есть красота, не есть также и абсолютное добро, и обратно. Та органичная целостность, та гармония, которую несет в себе красота, должна связывать красоту и с истиной, и с добром. Тогда только мы будем иметь истинное, благое и прекрасное единство в триаде, единство абсолютное.

В 1807 г. Шеллингом была произнесена блестящая речь «Об отношении изобразительных искусств к природе» в Мюнхене, куда он был приглашен, чтобы новооткрытый там университет украсить именем знаменитости. Именно в этой речи он отважился «сорвать покровы» с самого произведения искусства и заявить, что не художник, а философ призван совлечь покровы с самого произведения искусства и способен выявить его потаенную сущность. Эстетическое учение Шеллинга получило широкое признание уже при жизни и составило немеркнущую его славу.

О круге принципиальных установок, развёрнуто представленных в эстетическом учении философа, Шеллинг возвестил как об открывшемся ему, по его словам, «свете философии» в «Изложении моей философской системы» (1801). В этой работе и в диалоге «Бруно, или О божественном и природном начале вещей» (1802) основным принципом становится *тождество в Абсолюте*. Все противоположности из него проистекают и в него возвращаются. Субъект и объект, дух и природа, сознательное и бессознательное приводятся к тождеству, поставленному теперь в центр философии, – к «точке безразличия», где все противоположности соединяются и примиряются, все противоречия разрешаются. Появившаяся вслед за учением о природе и учением о познании «философия абсолютного тождества» выступает объединяющим их началом.

Натурфилософия (1797-1799) перерастает в трансцендентальный идеализм (1800) и вместе они – в «абсолютную философию» (философия тождества, – первое десятилетие XIX в.), т.е. в учение о тождестве в Абсолюте. Сменяющиеся у Шеллинга одна другую системы, как бы отпрыски от одного главного ствола, в последовательном ряду органично развиваются одна из другой и составляют периоды роста. Достижимая каждый раз новая точка зрения опирается на предшествующую и делает ее подчиненной.

Внешняя биографическая канва

Этапы философского развития Шеллинга вплетаются во внешнюю биографическую канву. С 1803 он – ординарный профессор в Вюрцбурге. В сочинении «Философия и религия» (1804), «тёмном», как признали многие, в предисловии к нему делается предостережение: «не всяк прикасайся – жжёт». Решение религиозной проблемы Шеллинг ставит высшей задачей философии и ратует за сотрудничество философии и религии. Получив кафедру философии в Мюнхенском университете, Шеллинг назначается членом Баварской академии наук, принимает пост главного секретаря королевской Академии художеств (1808). Король Максимилиан I Иосиф жалует ему дворянское звание, а его преемник Людовик – ещё и другие отличия.

Точка безразличия – не конец. Из абсолютного тождества надо вывести противоположность

Покуда философия Шеллинга находилась на пути к всеобъемлющему единству, она вызывала вос-

хищение и восторги. Она отвечала глубочайшим и насущным запросам искусства и теоретического естествознания, грезящего по целостной картине развивающегося мира. Стремление к органичной целостности и универсальности, дух синтезирования составляет сильную и привлекательную сторону этой философии. А вот итог объединения: неразличимость противоположностей, примирение всех их в абсолютном тождестве, – часто вызывает настороженное отношение, резкие возражения, упреки, сердитые осуждения и едкие насмешки: энергичный и экспансивный мыслитель дошел-де до *точки безразличия*, впал в *индифференцию*. Но сам Шеллинг считал, что найти точку соединения ещё не самое главное; самое важное – вывести из нее противоположность, вот в чем труднейшая задача искусства диалектики [см.: 3, с. 584]. Назревает этико-религиозная проблема, и одного натурфилософского подхода здесь недостаточно.

Проблема зла

Как из совершенного существа – Абсолюта, или всеблагого Бога, не помраченного злом, может быть выведено нечто Ему противоположное, несовершенное, из доброго и прекрасного – злое и безобразное? Только недостатком добра моральное зло необъяснимо. Оно – не просто отсутствие добра, немнимая, а реальная противоположность добру, действительная и действенная сила в человеческом мире. Существует не только энтузиазм добра, но и энтузиазм зла, и надо уяснить его природу.

Уже первое сочинение Шеллинга, за которое он в 1792 г. получил степень магистра, в философской части имело предметом объяснение происхождения зла. Это была попытка истолкования третьей главы Книги Бытия, повествующей о грехопадении. По вступлении в Христов возраст, в год кончины своей горячо любимой Каролины, предавшийся новому религиозному настрою Шеллинг в самом глубокомысленном своем произведении «Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах» (1809 г.) погружается в вопросы о происхождении и преодолении зла, возрождает и делает понятным учение немецкого мистика XVII в. Якоба Бёме о *природе Бога в Боге*, о «тёмной основе» в Нем. Основа Бога – внутренняя Его основа, она не то же, что Он сам. Это – бессознательное стремление, первоволя, составляющая возможность зла. Но только возможность. Действительностью зло становится не иначе

как через человека. Только человек способен совершать зло. Актуализируется оно только в поступке. Без свободы выбора как предпосылки отступления от Божественного порядка моральное зло неосуществимо. Шеллинг встает перед противоречивой задачей: он хочет спасти – более того, сделать альфой и омегой философии – понятие свободы и одновременно строить систему рационального объяснения для свободных актов (божественного творчества и человеческих поступков) как необходимых. Противоположность свободы и необходимости оказывается подлинной и самой жесткой противоположностью. Преодолеть ее в области морали – не значит ли подчинить и упорствующий на пути к монизму дуализм добра и зла? Однако зло тем самым не упраздняется, оно, по Шеллингу, только укрощается, загоняется в «потенциальность», откуда, как джин из закупоренной бутылки, норовит когда-нибудь вырваться наружу. А полная и окончательная победа добра обесмыслила бы свободный выбор, без которого нет и морали. «Зло не должно быть окончательно уничтожено», – вот скрытая точка зрения моральности. Возвыситься над нею и, что то же, над дуализмом добра и зла, – значит, по Шеллингу, перейти к религиозному отношению, умиротворяющему вражду любовью, которая равно распространяется на доброе и злое, подобно тому как солнце восходит над злыми и добрыми.

Позитивная философия

Приблизительно с 1815 г. Шеллинг приступил к созданию так называемой *позитивной философии*. По его замыслу, ей предстояло включить в себя *философию мифологии* и *философию откровения*, которые должны объединить знание и веру. Утверждая – отнюдь не первым – принципы новоевропейского развития: свободу веры (добытую Реформацией) и свободу мышления (провозглашенную Просвещением), Шеллинг хочет соединить то и другое. Только свободная от внешней рационализации вера может быть действительно освещена философией; только свободная от ортодоксии философия может постичь веру в ее самобытности.

Идея восхождения (потенцирования) проходила через все этапы философствования Шеллинга и сами этапы были выражением этой идеи. Новая точка зрения, которой он каждый раз достигал, всегда опиралась на предшествующую и делала ее подчиненной. Философия тождества становилась относительной с появлением новой философии,

позитивной, по сравнению с которой вся прежняя оказывалась лишь «негативной».

Философии позитивной, занятой непосредственным существованием, надлежало дополнить предшествующую и охватить собою. Вместе с негативной она должна была завершить полный круг философии. Шеллинг находит, что негативная философия имела дело не с самим существованием вещей, а с мысленной сущностью их, с идеей. Из идеи как понятия, как только возможности, никоим образом не вытекает действительность вещей. Не мыслью продолжается человеческий род. Шеллинг вступил в противоборство с понятийной системой, представленной прежде всего в «Науке логики» Гегеля: как это у него идея решает вдруг ринуться в природу («из самоё себя свободно отпустить себя в качестве природы»)? [4, параграф 244; 5, с. 519].

При разработке позитивной философии Шеллинг и сам вел неустанную борьбу в отыскании логического объяснения Божественному решению творить мир. Но если акт творения совершался не по принуждению, а по произволению, не необходимо, а свободно, то можно ли выразить его посредством системы логически необходимых связей? Иначе: умопостижим ли свободный акт творения или он сверхразумен и рационально совершенно необъясним? В напряженнейших усилиях систематически изложить новые идеи, заключить в рамки системы то, что не есть система и в нее не вписывается, прошли оставшиеся годы его жизни.

В 1820-26 гг. Шеллинг – профессор Эрлагенского университета, с 1827 – снова в Мюнхене. Здесь он – президент Академии наук. Но эта внешняя канва биографии полнится внутренними борениями в душе философа. В ходе разработки своих новых идей он вознамерился было опубликовать часть своего сочинения «О самофракийских божествах», но уничтожил и отпечатанную часть, и рукопись. С тех пор начинается его странная забота оберегать свои лекции от огласки в печати и иметь не читателей, а только слушателей.

О продолжительном безмолвии Шеллинга

Шеллинг уединялся от шума общественной жизни, нередко скрывал свое местопребывание даже от друзей, чтобы сосредоточить всю силу своего гения на предмете своих исследований. Он терпеливо ждал, когда мысль окрепнет на новом пути. Почувствовав, что настала пора, он решил оправдаться перед публикой в своем продолжительном молча-

нии. В период предшествующего бурного развития молодой Шеллинг рождал блестящие идеи; ему удалось, в учении о природе, об искусстве прекрасного, о свободе воли, говоря его же словами, внести в историю философии новую страницу. «Страница заполнена, лист нужно перевернуть», – заявил он в первой лекции 1841 г. в Берлинском университете, куда он был приглашен прусским королем Фридрихом Вильгельмом IV. Переполненная аудитория. Испытующие взоры. Все ждали: прозвучит ли, наконец, обещанное новое слово в философии?

Среди многочисленных слушателей его вступительной лекции были Ф. Энгельс, Александр Гумбольдт (/1769-1859/, брат немецкого филолога К.В. Гумбольдта /1767-1835/), С. Кьеркегор, М. Бакунин. Все ждали, удастся ли примирить разум с Откровением? Ведь приходится, как считает и сам Шеллинг, либо отвергнуть Откровение, либо допустить, что оно содержит в себе то, чего нет в уме. С одной стороны, тщетно стремиться постигнуть умом то, что выше его. Но, с другой стороны, последнее назначение ума состоит в достижении высшего знания, а оно достигается верой. Значит, к ней и должно стремиться и быть приведено всё наше знание. В деле разрешения труднейших вопросов отношения разума и веры, философии и религии, Шеллинг остался не понят большей частью публики и уже потому не удовлетворил ее притязательных ожиданий. Очень многих разочаровал.

Казалось, что твердая уверенность в истине своих новых исследований до тех пор только и могла иметь место в его душе, пока они ещё никому не были сообщены. Получалось, по слову поэта (и вразрез Гегелю), что «мысль изреченная есть ложь». По оценке Герценом судьбы того же позднего учения Шеллинга, «есть вещи, для которых гласность, обличение, обследование – смерть» [6, с. 305].

Таинственные мотивы длительного литературного безмолвия Шеллинга станут, может быть, понятнее в свете его высказывания по вступлении на философское поприще. «Скрывать принципы, доступные всем, преступление перед человечеством, – писал он в 1795 г. – Однако сама природа поставила границы этой доступности; для *достойных* она сохранила философию, которая по *самой своей сущности эзотерична* <...> ее не могут усвоить тайные враги или шпионы; она служит символом союзу людей свободного духа, по которому они узнают друг друга, который им незачем скрывать и который тем не менее, будучи понятным только им, останется для других вечной загадкой» [7, с. 88].

Нападки на философа, упреки в «отречении от разума», политические интриги, клевета, и т.п., только удаляли от истинного содержания его позднего учения, затуманивали и искажали его смысл, отваживали от философского интереса к нему. Преодоление такого отношения к немецкому мыслителю происходило в характерном для русского мировоззрения (хотя и не общепринятом) подходе к нему. В конструктивное толкование смысла его философского затишья внесли вклад С.П. Шевырев, А.И. Герцен. Анонимный автор статьи о Шеллинге, напечатанной в славянофильском журнале «Москвитянин» в год кончины философа, рассуждал: «Имеем ли мы право порицать его за это молчание? Напротив, не должны ли мы видеть в нем свидетельство глубокого уважения философа к истине, его высокой добросовестности, его искренности перед самим собою и перед публикою, во вред собственной славе и своему авторитету в глазах большинства?» [8, с. 296].

Шеллинг и Россия

Лекции и сочинения Шеллинга уже в натурфилософский период привлекали внимание многих из наших соотечественников. Слушали его с восхищением. На знакомства с русскими ему положительно везло. В числе его друзей, собеседников и слушателей из России были В.Ф. Одоевский, писатель и историк А.И. Тургенев (брат декабриста), славянофил С.П. Шевырев, анархист М.А. Бакунин. Переключку с творцом натурфилософии несут в себе стихи лично с ним знакомого Ф.И. Тютчева:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.*

Веяние философии Шеллинга распространялось на русскую мысль через натурфилософов

Список литературы:

1. Шеллинг Ф.В.Й. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1987.
2. Schelling F.W.J. Ideen zu einer Philosophie der Natur // S.W. Bd. 2.
3. Шеллинг Ф.В.Й. Бруно, или О божественном и природном начале вещей. Беседа // Шеллинг Ф.В.Й. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1987.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х тт. М., 1970-1972.
5. Шеллинг Ф.В.Й. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1987.
6. Герцен А.И. Соч. в 30-и тт. Т. 2. М., 1954.
7. Шеллинг Ф.В.Й. Философские письма о догматизме и критицизме // Шеллинг Ф.В.Й. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1987.
8. Фридрих Шеллинг: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001.
9. Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989.
10. Schellings sämtliche Werke. Erste Abtheilung. Bd. 1-14. Stuttgart, Augsburg, 1856-1861.

Д.М. Велланского (слушавшего в Вюрцбургском университете лекции Шеллинга, который приметил и отметил этого своего ученика из России), М.Г. Павлова, М.А. Максимовича и других, через московский кружок «любомудров» (В.Ф. Одоевский, Д.В. Веневитинов, А.И. Галич), славянофилов (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков), П.Я. Чаадаева (ведшего беседы и переписывавшегося с Шеллингом), поэта А.А. Григорьева (почвенника, воспринявшего поэтический и философский дух Шеллинга) и др. Н.В. Станкевич признавался, что никакая мировая мысль не приходила ему в голову иначе как в связи с системой Шеллинга, составившего часть его жизни.

Идеи Шеллинга осваивались и перерабатывались как славянофилами, так и западниками, – но не однозначно. П.Я. Чаадаев осмыслял судьбу России в противоположность Шеллингову видению ее, ища, однако, в нем поддержку. Он отправлялся от позднего его учения, в направлении, обратном славянофильскому: прошедшее России для него пусто («ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника»), настоящее – невыносимый плоский застой, а будущего страны вовсе нет. Россия – пробел в разумном порядке, существующий лишь для того, чтобы преподать грозный урок миру [см.: 9, с. 18-21, 23, 26].

Под впечатлением и благотворным влиянием учения Шеллинга и в переключке с его идеями развивалась в России эстетика, историософия, философия всеединства с центральной в ней христианской идеей Богочеловечества. Пристрастиями к его идеям отмечен у нас XIX век. Отдельные стороны, аспекты этого полифоничного учения так или иначе включались в воззрения многих русских ученых, поэтов, теоретиков искусства, моралистов, философов, религиозных мыслителей. В своём отношении к нему русская душа в полной мере проявила свою универсальную отзывчивость.

11. Шеллинг Ф.В.Й. Система мировых эпох: Мюнхенские лекции 1827-1828 гг. в записи Эрнста Ласо. Томск: Водолей, 1999. 320 с.
12. Фишер К. История новой философии. СПб., 1905. Т. 7. Шеллинг, его жизнь, сочинения и учение / Пер. с нем. 2-го доп. изд. Н.О. Лосского. XXVI. 893 с.
13. Каменский З.А. Русская философия начала XIX века и Шеллинг. М.: Наука, 1980. 326 с.
14. Лазарев В.В. Шеллинг. М.: Мысль, 1976. 199 с.
15. Гулыга А.В. Шеллинг. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 1994. 315 с.
16. Философия Шеллинга в России / Под общ. ред. В.Ф. Пустарнакова. СПб.: РХГИ, 1998. 527 с.

References (transliteration):

1. Shelling F.V.I. Soch. v 2-kh tt. T. 1. M.: Mysl', 1987.
2. Schelling F.W.J. Ideen zu einer Philosophie der Natur // S.W. Bd. 2.
3. Shelling F.V.I. Bruno, ili O bozhestvennom i prirodnom nachale veshchei. Beseda // Shelling F.V.I. Soch. v 2-kh tt. T. 1. M.: Mysl', 1987.
4. Gegel' G.V.F. Nauka logiki. V 3-kh tt. M., 1970-1972.
5. Shelling F.V.I. Soch. v 2-kh tt. T. 2. M.: Mysl', 1987.
6. Gertsen A.I. Soch. v 30-i tt. T. 2. M., 1954.
7. Shelling F.V.I. Filosofskie pis'ma o dogmatizme i krititsizme // Shelling F.V.I. Soch. v 2-kh tt. T. 1. M.: Mysl', 1987.
8. Fridrikh Shelling: pro et contra. SPb.: RKhGI, 2001.
9. Chaadaev P.Ya. Sochineniya. M.: Pravda, 1989.
10. Schellings sämtliche Werke. Erste Abtheilung. Bd. 1-14. Stuttgart, Augsburg, 1856-1861.
11. Shelling F.V.I. Sistema mirovykh epokh: Myunkhenskie lektzii 1827-1828 gg. v zapisi Ernsta Laso. Tomsk: Vodolei, 1999. 320 s.
12. Fisher K. Istoriya novoi filosofii. SPb., 1905. T. 7. Shelling, ego zhizn', sochineniya i uchenie / Per. s nem. 2-go dop. izd. N.O. Losskogo. XXVI. 893 s.
13. Kamenskii Z.A. Russkaya filosofiya nachala XIX veka i Shelling. M.: Nauka, 1980. 326 s.
14. Lazarev V.V. Shelling. M.: Mysl', 1976. 199 s.
15. Gulyga A.V. Shelling. 3-e izd. M.: Molodaya gvardiya, 1994. 315 s.
16. Filosofiya Shellinga v Rossii / Pod obshch. red. V.F. Pustarnakova. SPb.: RKhGI, 1998. 527 s.